
24HR
Невеста
с секретным
приданым
Ямиля Нарт

Ямиля Нарт

Невеста с секретным приданым

https://litres.ru/74732798
SelfPub; 2026

Аннотация

Анна Фёдорова увольняется из офиса, возвращается в родной посёлок и принимает дела в семейном магазинчике «Удача». Тихая жизнь, чай с печеньем, редкие покупатели — так она представляла своё будущее.

Вместо этого она просыпается в теле Агнес Грей, дочери обедневшего английского дворянина, в другом мире. Агнес больна, почти при смерти, а родственники уже строят планы, как избавиться от «обузы», выдав её замуж за первого, кто согласится взять.

Её будущий муж — человек с тёмной репутацией и долгами. Агнес для него — пустое место, которое можно использовать.

Но у Анны есть то, чего нет у других: связь с магазином «Удача», который всё ещё существует где-то за гранью реальности. Она может доставать оттуда еду, лекарства, инструменты, почти всё, кроме магии, которой в её мире не было.

Содержание

Глава 1. Прибытие 5
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Ямиля Нарт
Невеста с секретным приданым

АННОТАЦИЯ Анна Фёдорова увольняется из офиса, возвращается в родной посёлок и принимает дела в семейном магазинчике «Удача». Тихая жизнь, чай с печеньем, редкие покупатели — так она представляла своё будущее. Вместо этого она просыпается в теле Агнес Грей, дочери обедневшего английского дворянина, в другом мире. Агнес больна, почти при смерти, а родственники уже строят планы, как избавиться от «обузы», выдав её замуж за первого, кто согласится взять. Её будущий муж — человек с тёмной репутацией и долгами. Агнес для него — пустое место, которое можно использовать. Но у Анны есть то, чего нет у других: связь с магазином «Удача», который всё ещё существует где-то за гранью реальности. Она может доставать оттуда еду, лекарства, инструменты, почти всё, кроме магии, которой в её мире не было.

Глава 1. Прибытие

Сон был липким и тягучим, как патока. Я попыталась открыть глаза, веки казались налитыми свинцом. Сквозь щелочку пробивался тусклый серый свет, и первый звук, который я услышала, был отдалённым гудком фабричного гудка и цоканьем копыт по булыжнику.

Голоса плыли рядом, но искажённые, будто из-под толщи воды:

— Она ещё дышит? Смотреть тошно. Если отдаст богу душу до того, как мы её сплавим, мы не получим ни медяка.

— Тётушка, не говорите так. Она просто... просто устала. Ей нужен отдых.

Второй голос был моложе, в нём дрожала робкая попытка заслонить меня от чужой жестокости. Он, судя по обрывкам чужой памяти, принадлежал моей двоюродной сестре Элизабет. Первый, резкий, скрипучий, как несмазанная дверь, моей новой «тётушке» Маргарет Грей.

Я попробовала шевельнуться. Тело отзывалось чуждо, слабо, болезненно-тонко. Кости ломило, каждый вдох скрёбся сухим кашлем в груди.

Это была не моя постель, не моё тело. Когда веки наконец поддались, картина, представшая передо мной, была тусклой, как выцветшая фотография: обои с поблёкшим цветочным узором, тяжёлые портьеры, почти не пропуска-

ющие свет, и массивная деревянная мебель, чьи потёртости красноречиво свидетельствовали о лучших временах. Через грязное окно виднелся лоскут серого неба и черепичная крыша соседнего дома. Я была в большом, старом, грязном городе.

В голове пульсировала чужая боль и чужие воспоминания, обрывки разговоров, холодные комнаты, лица, смотрящие с укоризной. Агнес Грей была дочерью обедневшего дворянина, «обузой» для семьи, которую уже списали со счетов. Болезнь, постоянные упрёки и полная беспомощность. Она была так слаба, что даже не могла подняться с кровати. А потом было решение тётушки Маргарет: выдать её замуж. За кого-то, кто избавит их от проблем.

Я, Анна Фёдорова, проработавшая пять лет в скучном офисе, уволившаяся и вернувшаяся в родной городок, чтобы продавать печенье и чай в магазинчике «Удача», теперь была Агнес Грей. И моё «будущее» уже было решено за меня.

— Поднимите её, — раздался тот же резкий голос. — Я уже договорилась. Реймонд сказал, что заедет за ней сегодня. Надо, чтобы она выглядела прилично. Хотя бы не совсем мёртвой.

Дверь моей комнаты со скрипом распахнулась. На пороге стояла женщина в строгом тёмном платье с высоким воротником, с седыми волосами, забранными в тугой пучок. Её лицо напоминало сушёное яблоко, сморщенное, с заострёнными чертами, а глаза смотрели холодно и деловито, как у

торговца, оценивающего товар. Это была моя тётушка Маргарет.

— Агнес, ты слышишь меня?

Я с трудом сглотнула и попыталась кивнуть. Мой голос, когда я наконец его выдавила, был едва слышным и хриплым:

— Да, тётушка.

Она окинула меня быстрым, оценивающим взглядом и скривилась, будто укусила что-то кислое.

— По крайней мере, ты жива. Одень её, — бросила она через плечо в коридор.

Рядом с ней появилась молодая девушка с пепельными волосами, которую я узнала как свою кузину Элизабет. Она смотрела на меня с жалостью и плохо скрываемым облегчением.

Меня подняли, усадили в кресло. Тело казалось ватным, а мышцы дрожали от слабости. Воспоминания Агнес подсказывали, что она была больна уже несколько месяцев и почти не вставала. Её лечили, но, видимо, без особого энтузиазма.

Элизабет принесла платье. Оно было простым, из грубой тёмно-серой шерсти, и пахло нафталином. Пока она помогала мне одеваться, я смотрела в мутное окно и пыталась собрать мысли в кучу.

Мой магазин «Удача». Я помнила, как заваривала себе зелёный чай и пересчитывала выручку. Это был солнечный день, за окном шумели липы. А потом боль в груди, темнота

и этот мир.

Я чувствовала странное тепло на левой руке, там, где у меня была родинка. Когда я провела по ней пальцами, в голове мелькнул образ моего магазинчика. Я видела его, как будто стояла за прилавком. Стеклянные банки с конфетами, деревянные стеллажи, старый холодильник, гудевший в углу. Я откуда-то знала, что если захочу, то смогу «войти» туда.

И я поняла, что сейчас, когда я едва стою на ногах, а впереди неизвестность, это могло стать моим единственным спасением.

— Я хочу пить, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже. — Можно мне… воды?

Элизабет кивнула и вышла из комнаты. Тётушка Маргарет, потеряв ко мне интерес, вышла следом, бормоча что-то о том, что Реймонд будет через час и надо успеть «привести меня в порядок».

Я осталась одна.

Закрыла глаза и сосредоточилась на ощущении тепла в левой руке. «Удача», — подумала я, и мир вокруг меня словно качнулся. Я почувствовала, что стою за прилавком магазина. В ушах зашумел знакомый гул холодильника, нос уловил запах чистящего средства и ванили. Я протянула руку к стеллажу с напитками, где стояли банки с энергетиком.

Пальцы сомкнулись на холодном алюминии.

Я открыла глаза. В моей руке была банка зелёного энергетика, покрытая капельками конденсата, холодная, настоя-

щая.

Сердце забилось быстрее. Я провела пальцем по банке, чувствуя знакомую шероховатость алюминия, и откинула язычок. Шипение разорвало тишину комнаты. Я сделала глоток. Терпкий, сладковато-кислый вкус обжёг язык. Почти сразу по телу разлилась знакомая бодрость. Адреналин, кофеин, таурин, что бы там ни было, это работало. Мои пальцы перестали дрожать, в груди появилась лёгкость, а туман в голове начал рассеиваться.

Я допила банку до дна, сжала пустую банку в кулаке и, оглянувшись, сунула её в карман своего чемодана.

Когда Элизабет вернулась с чашкой воды, я уже стояла на ногах. Мои ноги всё ещё дрожали, но я могла стоять.

— Ты как будто… повеселела, — удивлённо сказала она, разглядывая меня.

Тётушка Маргарет вернулась в комнату, когда я уже была одета. Она скептически осмотрела меня и кивнула.

— Сойдёт. Реймонд Блэквуд не тот человек, который будет придираться к тряпкам. Для него главное, что ты дышишь. У него тоже не всё гладко. Вдовец, двое младших братьев, долги, и он охотник. Не знаю, как он вообще решил жениться. Видимо, ему тоже нужна экономия на налогах. Район его дома, конечно, не для леди, но ты не в том положении, чтобы выбирать.

Через час я услышала стук в парадную дверь. Сердце за-

билось быстрее. Я оглянулась на свою комнату, на скудную обстановку, и поняла, что мне не жалко покидать ничего из этого.

Тётушка Маргарет сама открыла дверь. Я слышала, как она говорит с кем-то низким, спокойным голосом. Затем в прихожую вошёл он — Реймонд Блэквуд.

В моей памяти Агнес видела его только мельком, издалека. Он был высок, широкоплеч, одет в добротное, но потёртое пальто тёмно-зелёного цвета. Его лицо было суровым, с резкими чертами, глубоко посаженными глазами. От него пахло кожей, дымом и уличной сыростью.

— Агнес, — сказал он, и его голос был глубже, чем я ожидала. — Готова?

Я сглотнула и кивнула, опираясь на трость, которую мне дала тётушка. Мои ноги дрожали, но я была полна решимости не падать перед ним. Энергетик сделал своё дело, хотя бы на время.

Внутри меня шевелилась моя связь с магазином. Я чувствовала, что могу, если захочу, прямо сейчас вытянуть оттуда аспирин, пластырь, лекарство от кашля — всё, что могло пригодиться. Это знание было моим единственным козырем. И я собиралась им воспользоваться.

— Да, — ответила я.

Реймонд коротко кивнул, взяв мой чемодан.

— Тогда идём.

Я сделала шаг вперёд, и мы вышли из дома Греев. За спи-

ной остались выцветшие обои, запах нафталина и тётушка Маргарет, которая уже, наверное, пересчитывала сэкономленные деньги.

Глава 2. Чужой порог

Экипаж был старым. Краска на дверцах шелушилась чешуйками, обнажая серое дерево, сиденье просело под тяжестью чужих тел, и от обивки поднимался затхлый дух. Реймонд сидел напротив меня, почти не глядя в мою сторону. За мутным стеклом проплывали серые фасады, один за другим, бесконечной чередой. Тусклый свет туманного дня бил в окна. Город разрастался вокруг, огромный, гудящий, чужой.

Я смотрела на свои руки, сложенные на коленях, и пыталась собрать осколки мыслей в единое целое. Пальцы ещё подрагивали, но дрожь стала мелкой, почти незаметной, энергетик растекался по венам медленным огнём, прогоняя туман из головы, возвращая телу призрачную видимость жизни.

Я Анна Фёдорова, почти сорок лет за плечами. Я работала в офисе, в сером лабиринте бумаг и отчётов, потом уволилась и вернулась в свой городок, чтобы работать в минимаркете «Удача». У меня был старый холодильник, который гудел по ночам, и соседка-фармацевт, которая держала в моём магазине отдел с лекарствами. Я ненавидела свою работу, но любила свой магазин.

А теперь я Агнес Грей. Мне восемнадцать. Дочь обедневшего дворянина, чьи родители лежат в земле, а сама она товар, переданный из рук в руки в обмен на избавление от налогового бремени. Моё тело болело, ныло, отзывалось на каждое движение глухой тяжестью, словно было налито свинцом, и я не знала, надолго ли хватит одного энергетика, чтобы удерживать эту оболочку от распада, этот хрупкий сосуд на грани трещины.

Я подняла глаза на Реймонда. Он смотрел в окно, и в его позе чувствовалась усталость. Я знала, что у него есть младшие братья, и что он один тянет всю семью.

— Налог, — слово сорвалось с губ прежде, чем я успела его удержать.

Реймонд повернул голову. Его взгляд был тёмным, непроницаемым.

— Что?

— Налог, — повторила я. — За незамужних женщин. За холостых мужчин. Тётушка говорила, что правительство взимает его, чтобы стимулировать рождаемость. Поэтому вы женились на мне. И поэтому тётушка Маргарет так хотела от меня избавиться.

Он некоторое время молчал, разглядывая меня так, словно я была странным существом, который он не мог понять.

— Да, — сказал он наконец. — Я должен был заплатить три гинеи, если бы не женился. У меня нет таких денег. А у твоей тётушки, видимо, не было желания платить за тебя.

— Три гинеи, — повторила я, вглядываясь в его лицо. — А сколько вы заплатили тёте за меня?

Он сухо усмехнулся.

— Нисколько. Твоя тётушка сказала, что ты моя проблема теперь. Она даже не попросила денег на твоё лечение.

Я опустила взгляд. Три гинеи. Три золотых монеты, которые решили мою судьбу.

— Вы не знаете меня, — сказала я тихо. — Я не та женщина, которую вы ожидаете.

Реймонд снова посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— А какая вы?

Я задумалась. Вопрос был простым, но ответ на него требовал времени. Кем я была? Анной? Агнес? Кем-то средним?

— Я не хочу быть обузой, — сказала я. — Это всё, что могу вам обещать.

Он кивнул.

Мы замолчали, и я снова посмотрела в окно. За стеклом проплывали дома, лавки, люди в тёмной одежде. Город жил своей жизнью, и я была его частью, даже если чувствовала себя чужой.

Я снова ощутила тепло на левой руке и, прикрыв глаза, на мгновение прикоснулась к магазину. Я почувствовала прилавок, холод стеклянной витрины, запах чистящего средства. В аптечном отделе на полках стояли коробки с таблетками,

баночки с настойками, упаковки пластырей. Ещё чай, конфеты, печенье, бутылки с водой. Всё, что могло пригодиться.

«Удача», — подумала я. — Ты моя. И я не позволю тебе пропасть в этом мире».

Я открыла глаза и встретилась взглядом с Реймондом. Он изучал меня, и я поняла, что он заметил мою задумчивость.

— Я слышал, ты больна, — сказал он. — Но сейчас ты выглядишь лучше, чем я ожидал.

— Спасибо, — ответила я. — Я решила, что не хочу умирать.

Он усмехнулся.

— Хорошее решение.

Мы больше не говорили, пока экипаж не остановился перед домом на узкой улице. Он был приземистым, из тёмного кирпича, с тремя узкими окнами и облупившейся краской на двери. Фасадная стена была влажной от тумана, а в воздухе витал запах угля и речной воды.

Реймонд открыл дверцу экипажа и протянул мне руку. Я взяла её. Его ладонь была сухой и тёплой. На секунду я почувствовала себя почти в безопасности, как птица, нашедшая убежище в чужом гнезде.

Внутри дом оказался неожиданно уютным, хоть и чувствовалось, что он давно не видел женской руки. В небольшом камине потрескивал огонь, и в комнате пахло сушёным можжевельником и тёплым деревом. В углу стоял старый диван, застеленный пледом, и пара грубых, но крепких стульев.

— Саймон, Томас, выходите! — крикнул Рей в сторону лестницы.

Через несколько секунд на лестнице показались два мальчика. Старший, Саймон, держался напряжённо, руки сжаты в кулаки. Он был одет в аккуратную, но поношенную рубашку, и смотрел на меня так, будто я пришла отнять у него что-то важное. Его взгляд был тяжёлым, почти взрослым.

Младший, Томас, прятался за его спиной, выглядывая из-за плеча брата с любопытством и настороженностью, маленький зверёк, готовый в любой момент спрятаться в нору.

— Это Агнес, — сказал Рей, и в его голосе не было тепла, но не было и холода. — Моя невеста.

Саймон сделал шаг вперёд и посмотрел на меня с вызовом.

— Зачем она здесь? — спросил он, обращаясь к брату, но глядя при этом на меня, будто проверяя, сдамся ли я под его взглядом. — Мы справлялись без неё. Нам не нужна чужая женщина в доме.

Реймонд нахмурился.

— Саймон.

— Я не хочу, чтобы она была здесь, — упрямо повторил Саймон. — Она займёт место мамы. Ты просто хочешь заменить её.

Тишина повисла в комнате. Реймонд сжал челюсть, но ничего не сказал. Томас испуганно переводил взгляд с брата на

Рея и обратно.

Я не знала, что сказать. Я не была здесь, чтобы заменять их мать, и по правде, вообще не хотела здесь находиться.

— Я не собираюсь заменять твою мать, — сказала я тихо, глядя прямо на Саймона. — Я не знала её. И я не пришла, чтобы отнимать у вас что-то.

Саймон отвернулся, но я заметила, как дрогнули его плечи.

— Твоя комната на втором этаже, — сказал Реймонд, не глядя на меня. Он смотрел на брата, и в его лице читалась усталость, которую он не мог скрыть.

Я с трудом поднялась наверх и оказалась в небольшой комнате с покатым потолком и узким окном, выходящим во внутренний двор. Пол был деревянным, крашенным тёмной краской, которая потрескалась от времени. На кровати лежало шерстяное одеяло, рядом стоял старый стул и небольшой комод.

Я села на кровать и закрыла глаза. Тепло, дремавшее в левой ладони, всколыхнулось, налилось упругой силой, и я вновь шагнула за грань, туда, где ждал меня мой магазин. Пальцы сами сомкнулись на упаковке обезболивающих и на бутылке воды, тяжёлой, прохладной, с каплями конденсата на боках.

Я открыла глаза. В ладони лежали таблетки, настоящие, осязаемые, с шершавой поверхностью блистера. Мир вокруг был жесток и голоден, но теперь у меня было оружие.

Глава 3. Цена жизни

Я вынырнула из сна, подхваченная чужими голосами, что спорили внизу. Голоса доносились приглушённо, сквозь толстые стены старого дома, но отдельные слова пробивались отчётливо.

— ...зачем нам лишний рот, Рей? Мы едва сводим концы с концами!

Это был Саймон. Его голос звучал резко. В нём сквозила детская требовательность, облачённая в доспехи взрослой суровости.

— Она не будет лишним ртом, если будет работать, — ответил Реймонд. Его голос был ровным, почти безразличным.

— Работать? Да она едва стоит на ногах! — фыркнул Саймон. — Если она умрёт через неделю, нам нужно будет заплатить налог!

Я замерла, и холод пробрался под тонкое одеяло, впился в кожу, добрался до костей.

— Она не умрёт, — сказал Реймонд. В его голосе не было уверенности. Только тень упрямства, что цепляется за соломинку, прекрасно зная: соломинка утонет вместе с ним.

— Откуда ты знаешь? — Саймон не отступал, вгрызаясь в тему, как пёс в кость. — Она же как привидение. Мы могли бы просто заплатить налог.

— Мы не могли бы, — голос Реймонда стал жёстче. — У нас нет трёх гиней.

— Тогда зачем нам больная женщина, если от неё нет толку? — Саймон почти кричал. — Тратить на неё последние деньги?

— Мы не будем тратить на неё деньги, — сказал Реймонд, и его голос прозвучал холодно, отстранённо, как у человека, который давно научился не привязываться к тому, что может исчезнуть. — Пусть живёт, если сможет. Если нет — одним ртом меньше.

Я замерла, глядя в тёмный потолок. «Одним ртом меньше». Слова вошли в меня глубже, чем я могла ожидать, осели где-то под рёбрами, тяжёлые, как свинец.

Тело била мелкая дрожь, и я закрыла глаза, пытаясь дышать ровно, считать вдохи, как учили в далёкой прошлой жизни. Запах старого дерева, угольной пыли и сырости пропитывал комнату, оседал на коже липкой плёнкой. Холод просачивался сквозь тонкое одеяло, заползал под кожу, добирался до костей. Я была в чужом теле, в чужом мире, и даже здесь меня не хотели видеть живой.

Я была инструментом для экономии на налоге. Товаром, который можно выбросить, если он сломается.

Я снова закрыла глаза, и темнота под веками расцвела чужими картинками. Агнес на сидит на краю кровати, сжавшись в комок в своей комнате в доме тётушки Маргарет. Слышит, как они обсуждают её за закрытыми дверями. Как

обузу, как проблему, как бремя, от которого нужно избавиться. Она берёт пузырёк с микстурой, которую прописали тётушке от бессонницы. Смотрит на него, не мигая. Потом выпивает всё, до последней капли.

Она не жаждала смерти. Она просто больше не могла выносить роль обузы. Она не хотела быть проданной, как скотина.

Я перебирала обрывки её памяти, как разноцветные стёкла калейдоскопа, пытаясь сложить целую картину. Головокружения, постоянная слабость, бледность, холодные руки и ноги, ломкость ногтей, выпадение волос, одышка от малейшего усилия... В моей прошлой жизни у моей подруги была анемия, и симптомы были поразительно похожи. Агнес не умирала от неизлечимой болезни. Она была истощена хронической нехваткой железа, скудным питанием, постоянным стрессом.

И теперь всё это стало моей проблемой.

Я глубоко вздохнула и прислушалась. Внизу стало тихо. Они ушли.

Через несколько минут дверь моей комнаты приоткрылась, и в неё просунулась голова Саймона. Он держался настороженно, как дикий зверёк, готовый в любой момент убежать или огрызнуться.

— Жива? — спросил он без приветствия, с вызовом.

Я приподнялась на локтях, стараясь не показывать, как сильно устала.

— Как видишь, — ответила я, и мой голос прозвучал слабее, чем я хотела.

Он вошёл в комнату, держа в руках деревянную миску, из которой поднимался пар. Запах овсянки растёкся по комнате. Каша была жидкой, почти прозрачной, с редкими крупинками, плавающими в мутной воде.

— Вот. Ешь, если хочешь жить. Хотя если хочешь умереть, я тоже не против, — он поставил миску на комод и скрестил руки на груди. — Тогда Рей не будет тратить на тебя время.

Я посмотрела на овсянку. В ней не было ничего, что могло бы помочь моему организму. Ни железа, ни белка, ни жиров. Аппетита не было, но я понимала, что если не буду есть, то действительно умру. А умирать я не собиралась.

— Спасибо, — сказала я и взяла ложку.

Саймон не ушёл. Он стоял и смотрел, как я с трудом проглатываю первую ложку. Каша была пресной, склизкой и почти несъедобной, но я заставляла себя есть. Каждое движение, каждый глоток приближал меня к жизни.

Дверь за ним закрылась, и я осталась одна. Овсянка остывала, а я смотрела на свои руки, лежащие на коленях. Тонкие, бледные, с синими прожилками вен, просвечивающими сквозь кожу.

Я нащупала левой рукой родинку — ту самую, которая была у меня и в моём мире. Маленькая, тёмная, она была единственным мостом между Анной и Агнес. Я закрыла гла-

за и мысленно шагнула в магазин.

Туман в голове начал рассеиваться, когда я подошла к аптечному отделу и начала перебирать коробки с лекарствами. Железосодержащие препараты, вот что мне было нужно. Я нашла упаковку таблеток с надписью «Феррум», и шершавый блистер лёг в ладонь, как спасательный круг. Я проглотила одну таблетку с водой, затем повернулась к стеллажу с напитками и взяла бутылку тёмного шоколадного молока, открыла её, сделала глоток.

На мгновение я снова стала Анной. Я была в безопасности. Я была дома.

Я сползла по стене на холодный кафель, прижала бутылку к груди, как ребёнка, и заплакала. Впервые за всё время. Слёзы шли легко, как будто внутри прорвало плотину. Я чувствовала себя потерянной, заброшенной в чужую жизнь.

Шоколадное молоко было вкусным. И мир за стенами магазина казался чуть менее холодным.

Когда я вышла из магазина, на деревянном комоде всё ещё стояла недоеденная овсянка. Серая плёнка затянула поверхность. Я взяла ложку и заставила себя съесть ещё несколько ложек. Потом я подошла к комоду и открыла свой чемодан. Там, на самом дне, под сложенными вещами, лежала маленькая деревянная шкатулка.

Я открыла крышку. Внутри, на выцветшей бархатной подкладке, лежала брошь с потускневшим камнем. Единствен-

ная вещь, которая досталась Агнес от матери.

Агнес умерла, потому что не знала, как бороться. Потому что у неё не было ни сил, ни надежды. У меня было и то, и другое. Я сжала брошь крепче и пообещала себе: эта история закончится иначе.

Глава 4. Первый день

Проснулась я рано, ещё до того как серый рассвет окончательно разогнал остатки ночной темноты по углам комнаты, и первое, что услышала, был пронзительный фабричный гудок где-то вдалеке, тянущийся над крышами долгим, надрывным стоном, от которого дребезжали стёкла в рамах. Свет за окном сочился тусклый, будто разбавленный водой, и в нём тонули очертания мебели, комода, стула, чемодана в углу.

Тело было ватным. Я попыталась сесть, и перед глазами поплыли тёмные круги. Голова кружилась так сильно, что пришлось ухватиться за край кровати, чтобы не упасть обратно на подушку. Лёгкие сжались, и я сухо закашлялась, чувствуя, как каждый вдох даётся с трудом, будто воздух в комнате был гуще воды.

Я лежала на кровати, глядя в потолок, и чувствовала, как медленно, слой за слоем, возвращается память, собираясь из осколков в целую картину, которая мне не принадлежала. Я

не в своей квартире, где на кухне ждала преданно новенькая кофемашина, я больше не Анна, чьи руки помнили клавиатуру, чьи глаза знали, как выравнивать цифры в столбцах, чьё тело привыкло к ритму офисных дней.

В моей прошлой жизни я видела слишком много разрушенных семей, чтобы верить в брак как в нечто прочное и надёжное. Я смотрела, как мои однокурсницы выходят замуж с сияющими глазами, а потом разводятся через два года, делят мебель и обиды, и их лица становятся старше, чем должны быть. Я слушала, как моя соседка плачет в подушку по ночам, потому что муж не приходит домой, а утром делает вид, что всё в порядке. Я не верила в брак, я верила в деньги, в работу, в себя, в способность стоять на своих ногах и не зависеть от чужого настроения, от чужого присутствия или отсутствия.

А теперь я лежала в чужой постели, в чужом теле, в чужом мире, и моим мужем был человек, который сказал про меня: «Одним ртом меньше» без злобы, без сожаления, просто констатируя факт.

Я закрыла глаза, и в груди заворочалось что-то тёплое и неприятное, какое-то смутное чувство, которое я не хотела называть. Злость? Нет, злость была бы проще, злость была бы чище. Обида? Возможно, но обида предполагает ожидание, а я не ждала от этого человека ничего.

Я не хотела замечать это чувство, я не хотела чувствовать ничего, кроме желания выжить, потому что выживание было

единственной задачей, которая имела смысл в этом чужом теле, в этой чужой комнате, в этом чужом мире. Но тело Агнес было слабым, истощённым, изношенным, и в этой слабости возникала странная потребность в тепле, в защите, в чьём-то присутствии рядом, в голосе, который скажет, что всё будет хорошо. И я отогнала эту мысль, потому что она была не моей, она принадлежала Агнес, а Агнес умерла, выпив микстуру от бессонницы, потому что не могла больше выносить роль обузы.

Я снова села, на этот раз медленнее, оперлась на спинку кровати и подождала, пока мир перестанет плыть перед глазами. Тело требовало внимания. Желудок был пуст и сжимался болезненными спазмами, голова гудела от недостатка кислорода, и каждая мышца ныла от слабости, от хронического истощения, от нехватки железа, которая медленно убивала Агнес, пока она этого не замечала.

Я закрыла глаза и мысленно шагнула в магазин.

Холодный воздух, запах чистящего средства и ванили. Я подошла к аптечному отделу, взяла упаковку железосодержащих витаминов и блистер с витамином D. Затем бутылку воды и пачку энергетического батончика. Я проглотила таблетки прямо там, за прилавком, запивая их водой.

Я вернулась в комнату и встала, и ноги дрожали, но держали, и я сделала шаг, потом второй, потом третий, к окну, за которым виднелся небольшой двор с сараем, с кучей угля у стены, с забором, покосившимся от времени. Где-то там,

в этом сером, туманном городе, была моя новая жизнь, и я собиралась начать её с завтрака.

Внизу было тихо. Камин почти погас, и в доме стоял холод. Я прошла на кухню, маленькую, тесную, с каменным полом и чугунной плитой, в которой ещё теплились угли, покрытые серым пеплом. Реймонд, видимо, уже ушёл, на столе стояла пустая кружка и лежала корочка хлеба.

Я развела огонь в плите, подбросив щепок и углей, и это было неловко, потому что я не привыкла к таким плитам, у меня была электрическая, которая зажигалась одним поворотом ручки, но руки Агнес, даже слабые, помнили, что делать, и в этом было что-то утешительное, что-то, что связывало меня с телом, которое я носила. Я налила воды в чугунный сотейник и поставила его на огонь, и вода начала закипать, покрываясь мелкими пузырьками.

Потом я закрыла глаза и снова коснулась магазина. На прилавке появилась коробка яиц, десяток свежих, белых, из моего холодильника. Я взяла шесть, разбила в миску, добавила соль, немного молока из бутылки, взбила вилкой.

Я добавила кусочек масла из пачки, которую я тоже принесла из магазина, и сковорода зашипела, когда я вылила яичную смесь.

Я съела часть прямо у плиты, стоя. Запах еды разносился по дому, просачивался сквозь щели в дверях, поднимался по лестнице, и через несколько минут я услышала шаги, лёгкие, настороженные.

Саймон остановился на пороге кухни, сонный, с взлохмаченными волосами, и уставился на меня, и в его взгляде было что-то острое, недоверчивое, голодное.

— Что это? — спросил он с подозрением.

— Завтрак, — ответила я, выключая плиту.

— Откуда у тебя яйца? — он не двинулся с места, но его взгляд был прикован к сковороде, и я заметила, как он сглотнул, как напряглись мышцы на его шее.

— В доме были. Я нашла их в дальнем углу в кладовой, — я не моргнула глазом. — Садись.

Саймон колебался, и я видела, как в нём борются голод и гордость, как он хочет сказать что-то резкое, но запах яичницы пересиливает. Он сел за стол, сложив руки перед собой, и смотрел, как я накладываю ему порцию, и в его позе было что-то напряжённое, готовое к отпору.

— Я не куплюсь на еду, — сказал он вдруг, глядя на меня с вызовом.

Я поставила перед ним тарелку.

— Я и не пытаюсь тебя подкупить. Я просто готовлю завтрак. Ешь, если хочешь. Не хочешь — не ешь.

Он посмотрел на тарелку, потом на меня, и взял вилку. Первый кусок он проглотил быстро, почти не жуя. Второй — медленнее, как будто пробуя на вкус.

— Ты готовишь лучше, чем Рей, — сказал он нехотя, не глядя на меня.

— Я научу его, если он захочет, — ответила я.

Саймон фыркнул.

— Он не захочет. Он не любит учиться новому.

— А ты? — спросила я. — Ты хочешь учиться?

Он поднял на меня глаза. В них было удивление и настороженность, смешанные с чем-то детским, почти уязвимым.

— Чему?

— Готовить, например. Или считать деньги. Или читать книги.

Он замолчал.

— Зачем мне это? Рей говорит, что я должен работать в порту. Как он. Как отец.

— А ты хочешь работать в порту?

Он не ответил.

В этот момент на лестнице послышались другие шаги. Более лёгкие, неуверенные. Томас стоял на верхней ступеньке, держась за перила. Его глаза были большими и серыми. Он смотрел на меня.

— Ты хочешь есть? — спросила я.

Он кивнул, но не двинулся с места.

— Иди сюда. Я оставила для тебя завтрак.

Томас спустился. Осторожно, как будто я могла исчезнуть. Его рука скользнула по перилам, и он оказался на кухне.

Я налила воды в его кружку, положила ещё порцию яичницы. Он сел за стол и начал есть аккуратно, почти беззвуч-

но, не поднимая глаз.

Я доела яичницу и убрала посуду. Я чувствовала себя сильнее, чем вчера. Не намного, но достаточно, чтобы стоять прямо и не хвататься за стены. Таблетки начали действовать.

Когда я вышла во двор, чтобы вылить воду, я увидела Реймонда. Он стоял у сарая, привязывая к седлу что-то тяжёлое на вид. Он обернулся, когда услышал мои шаги, и его взгляд на мгновение задержался на моём лице.

— Саймон сказал, что ты приготовила яйца. Откуда они? — он кивнул в сторону дома.

— Нашла в кладовой.

Он посмотрел на меня с лёгким прищуром. Я не отводила взгляд. Мы оба знали, что яйца в этом доме — редкость. Он не поверил мне, но ничего не сказал.

— Я ухожу до вечера, — сказал он.

Я не знала, что ответить. Поэтому просто стояла и смотрела, как он уходит.

Я не знала, как быть женой. Грубо говоря, я ею даже не стала еще.

В этом мире свадьба начиналась с того, что невесту перевозили в дом жениха, обычно на рассвете. Это был символический акт перехода из одного рода в другой. В доме жениха её встречали старейшины или глава семьи, и после прибытия проводили малый обряд в честь одного из богов, которого выбирала семья жениха. Если семья была бедной или не принадлежала к гильдии, обряд проводили дома, без жрецов.

Если семья была богатой или имела связи с магической академией, приглашали жреца из храма Селены, Вэлианта, Марты или Элиона, и обряд длился дольше, с возжиганием свечей и чтением коротких молитв. После этого брак считался заключённым в глазах богов, а значит, и в глазах закона.

Пышное торжество с пиром, музыкой и гостями проводили позже, иногда через несколько дней или недель, и оно не было обязательным, многие семьи, особенно бедные или те, кто женился по расчёту ради налога, обходились только первой частью.

Но Реймонд привёз меня в свой дом без всякого обряда. Он просто перешагнул порог, поставил мой чемодан в прихожей. Он пока не предлагал мне клятву перед богами, и я была рада этому. Клятва означала бы, что я приняла этот брак, что я согласилась быть его женой по-настоящему, а не просто фигурой в налоговой отчётности.

Я не была готова к этому. Я не знала, сколько ещё смогу притворяться Агнес Грей, и не хотела связывать себя обещанием, которое не могла сдержать.

Реймонд, видимо, думал так же. Он оставил всё как есть — не муж, не жена, просто два человека под одной крышей, которые молчаливо согласились не задавать лишних вопросов.

Я вернулась в дом и начала осматриваться. В углу гостиной стоял старый, потёртый шкаф. Я подошла ближе и нашла несколько книг. Корешки были потрескавшимися, названия

выцвели до нечитаемости. Я провела пальцами по одному из них, вытащила тонкий томик.

Это была детская книга. Иллюстрации — выцветшие гравюры с животными, текст — крупный, простой, для начинающих читателей. Я открыла её и увидела, что первые страницы чисты, а дальше были короткие предложения с комментариями на полях. Чей-то взрослый почерк, возможно, матери Реймонда.

Я держала книгу в руках, когда Саймон вошёл в комнату. Он остановился в дверях, увидев, что я рассматриваю его вещи, и его лицо напряглось.

— Это мамина книга, — сказал он, и в его голосе послышалось что-то острое, почти обвиняющее. — Не трогай её.

Я не убрала руку.

— Я не хотела тебя обидеть, — сказала я спокойно. — Я просто искала что-то, чтобы научить тебя читать.

Он нахмурился.

— Я умею читать, — сказал он.

— По слогам? — переспросила я.

Он не ответил.

Я села на край дивана и положила книгу на колени.

— Я не хочу тебя ничему учить, если ты не хочешь, — сказала я. — Но я могу показать тебе, как читать быстрее. Если захочешь.

Саймон стоял неподвижно. Я видела, как его пальцы сжимаются в кулаки, как он смотрит то на книгу, то на меня.

Глаза у него были серые, почти как у Реймонда, но в них было больше огня, больше сопротивления.

— Зачем мне уметь читать быстрее? — спросил он. — Я не буду учёным. Я не пойду в школу.

— А ты хочешь?

Он замер.

— Я не могу хотеть того, чего у меня не может быть, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Рей говорит, что мы не можем позволить себе школу. Что мне нужно работать.

— Рей не прав, — сказала я. — Не совсем.

Он посмотрел на меня с вызовом, но в его взгляде мелькнуло любопытство.

— Что ты имеешь в виду?

— Я могу научить тебя читать, считать, писать. Возможно, мы сможем отправить тебя в школу.

— А у тебя есть на это деньги? — спросил он с насмешкой.

Я помедлила.

— Нет, — сказала я. — Но я могу их найти. Я могу работать. Я не собираюсь сидеть сложа руки.

Он посмотрел на меня так, будто видел впервые.

Я открыла книгу на первой странице.

— Вот, — я указала на первое предложение. — Прочитай мне.

Саймон подошёл ближе. Встал рядом, почти касаясь плечом моего плеча, и уставился на страницу. Он нахмурился,

водя пальцем по строке.

— К-о-т... Кот... — читал он по слогам, запинаясь на гласных. — С-и-д-е-л... сидел... н-а... на... о-к-н-е... окне.

Он поднял глаза на меня, ожидая оценки. В его взгляде была смесь гордости и неуверенности.

— Хорошо, — сказала я. — Ты умеешь читать. Но ты читаешь медленно. Хочешь научиться быстрее?

Он кивнул, и в этом жесте было что-то решительное.

— Как?

— Я покажу тебе, — сказала я. — Но для этого нужно время. И терпение. У тебя есть терпение?

Он хмыкнул.

— Я терпеливый.

— Тогда садись.

Саймон сел напротив меня, положив руки на стол. Я видела, как он смотрит на книгу, как его пальцы нервно сжимаются в кулаки. Он хотел учиться. Он боялся, что у него не получится.

Я начала с самого простого.

Глава 5. Чужой уют

Третье утро в доме Блэквудов встретило меня серым светом, пробивающимся сквозь щели в ставнях. Я открыла глаза и поняла, что голова не кружится. Впервые за несколько

дней я могла сесть на кровати без того, чтобы мир не поплыл перед глазами. Витамины и железо делали своё дело медленно, но верно. Тело Агнес, истощённое долгой болезнью, наконец-то получало то, чего ему не хватало.

Я спустилась вниз и застала на кухне Реймонда, который уже пил чай из помятой кружки. Он посмотрел на меня мельком и кивнул.

В порту сегодня была дневная смена, а значит, он уйдёт скоро. Я слышала, как Саймон возится в своей комнате наверху. Томас уже проснулся и сидел на нижней ступеньке лестницы, глядя на меня.

Я сварила кашу. Простую, жидкую, на воде, из той овсянки, что стояла в шкафу. Но добавила туда ложку мёда и несколько порций протеина, которых незаметно вытащила из «Удачи». Томас съел свою порцию быстро, облизал ложку.

Саймон спустился позже, сонный и злой. Он взял миску, сел за стол и проворчал что-то неразборчивое. Я не стала допытываться. Дети ушли: Саймон — на подработку в кузницу к соседу, а Томаса забрала соседка, чтобы он играл с её сыном, пока она стирает.

Реймонд тоже ушёл, и дверь за ним закрылась с глухим стуком. Он работал в порту, чинил магические артефакты для кораблей. Я узнала это случайно, услышав разговор Саймона с соседом.

В этом мире магия была ремеслом, но ремеслом закры-

тым. Маги учились в Академии Пылающего Феникса в столице, получали лицензии, работали при гильдиях или при королевском дворе.

Реймонд не был магом. Он был ремесленником, который умел разбирать и чинить то, что сделали другие. Его руки были покрыты шрамами и въевшейся гарью. Он мог починить светильник, работающий на лунном камне, или настроить бытовой артефакт для нагрева воды. Но сам он не творил магию. Это требовало жестов и заклинаний, которые передавались только в Академии.

Помимо работу в порту, Реймонд брал заказы на отстрел диких тварей в окрестных лесах и болотах, иногда — на поимку беглых магов или тех, кто нарушал королевские законы, но по какой-то причине не мог быть преследован законно. Были вещи, которые гильдия или королевские стражи не могли или не хотели трогать: слишком высокое положение нарушителя, слишком сложные магические связи, или просто недостаток доказательств для официального обвинения. Тогда нанимали таких, как Блэквуды. Людей, которые делали грязную работу за деньги и не задавали вопросов. Гильдия охотников существовала официально, но туда принимали только выпускников Академии или людей со связями. Реймонд не имел ни того, ни другого. Он работал в тени, и все об этом знали.

Я прошла на кухню и огляделась.

Дом Блэквудов был грязным. Не в смысле мусора или за-

пустения, Реймонд и дети не были неряхами. Просто здесь не было женщины уже давно, и мужские руки не умели чисто мыть окна, чистить плиту от нагара или стирать так, чтобы белое оставалось белым. Кухонный стол покрывала жирная плёнка, которую невозможно было смыть простой водой. В углах скапливалась пыль с примесью угольной крошки. Одежда пахла потом и дымом, даже чистая. Постельное бельё было серым от стирки в холодной речной воде.

Пол был тёмным от грязи, деревянные доски стерлись до гладкости, и в трещинах забилась вековая копоть. Я провела пальцем по подоконнику, палец стал серым.

Я закрыла глаза и шагнула в магазин.

Холодный воздух ударил в лицо. Я стояла за прилавком, и свет люминесцентных ламп резал глаза после серого утра.

В хозяйственной части магазина стояла стиральная машина, которую я всё надеялась продать. Она была небольшой, с прозрачным люком и кнопками на панели. Я не знала, как всё это происходит, но внутри магазина техника работала так же, как в моём мире. Я включила машину, залила гель для стирки и начала собирать грязное бельё по комнатам.

Сначала я сняла все одеяла и простыни. Потом собрала рубашки Саймона, штаны Томаса, полотенца. Всё это я сложила в большую корзину и перенесла в магазин. Машина гудела и переливалась мыльной водой. Я запустила цикл, потом разложила вещи на сушилке.

Я подошла к отделу бытовой химии. Мои руки привыч-

но скользили по полкам: бутылка универсального очистителя с надписью «Сияние», губки с абразивным слоем, перчатки до локтя, жёлтые, плотные. Я взяла две упаковки тряпок из микрофибры, пульверизатор с насадкой-распылителем и пару щёток с жёсткой щетиной.

Я вышла обратно, набрав чистящих средств. Банка с универсальным средством была холодной. Я налила немного в ведро, добавила горячей воды из чайника и зажгла плиту, чтобы согреть ещё. Пар пошёл от воды, и запах лимона и соды поплыл по кухне.

Я натянула перчатки. Резина плотно обхватила пальцы.

Сначала я вымыла кухонный стол. Средство пенилось, смывая многолетний налёт жира и грязи. Тряпка становилась чёрной, и я меняла её снова и снова. Я оттирала столешницу до тех пор, пока дерево не стало светлым, почти жёлтым, как свежий сосновый сруб.

Потом я взялась за плиту. Чугунная поверхность была покрыта толстым слоем сажи. Я нанесла гель, дала ему постоять несколько минут и начала тереть металлической щёткой. Вместе с средством это дало результат: закопчённый налёт отходил кусками, и под ним открывался серый, но чистый чугун, покрытый магическими рунами.

Руки устали, плечи ныли, но я не останавливалась. Я не могла остановиться.

С помощью хорошей швабры из магазина я вымыла полы

на кухне и в гостиной. Доски стали светлыми, на них проступил рисунок дерева, которого раньше не было видно.

Окна я мыла с особым рвением. На стекле были разводы, которые, казалось, въелись в него навсегда. Средство для окон делало своё дело. Я протёрла каждое стекло сначала влажной тряпкой, потом сухой, и свет стал проникать в комнату совсем иначе. Занавески я сняла, постирала, и мокрыми же сразу развесила.

К вечеру кухня изменилась до неузнаваемости. Плита блестела, стол был чистым, воздух пах лимоном.

Стиральная машина издала очередной сигнал. Я открыла крышку и вынула мокрую одежду. Я отряхнула рубашки и разложила их на чистой поверхности.

Утюг стоял на полке. Я взяла его, проверила, есть ли вода в резервуаре, и включила. Пар пошёл из подошвы, и я начала гладить немногие высохшие вещи. Рубашка Реймонда была грубой, ткань плотная, почти парусиновая. Я прошлась утюгом по воротнику, по швам, по рукавам. Пар разглаживал складки, и ткань становилась ровной, почти новой.

Потом я достала нитки и иголку из магазина. На локте рубашки была дыра, заплата, пришитая грубо и криво. Я распорола старые стежки, подобрала ткань по цвету и аккуратно зашила её. Шов получился ровным, но я не остановилась. Я взяла тонкую иглу и вышила поверх заплаты маленькую ветку с листьями. Ярко-зелёная нить пошла по серой ткани, и заплата стала не просто заплаткой, а узором.

Я вышила на штанах Саймона небольшого воробья, закрывая дырочку. На куртке Томаса я вышила звезду.

Я не была мастерицей, но в моей прошлой жизни я шила много. Я сама подшивала себе юбки, перешивала платья, делала кукольную одежду для племянниц. Мне было почти сорок лет, и за плечами был большой опыт.

Я развесила остальные мокрые вещи на верёвке, которую натянула во дворе, и смотрела, как они колышутся на ветру.

Когда я закончила с уборкой, я начала готовить ужин. Я достала из погреба рыбу, которую Реймонд принёс ещё вчера. Она была сухой и жёсткой на вид, но я знала, что могу её спасти. Я натерла рыбу солью и приправами, добавила каплю масла и отправила запекаться. Картофель я нарезала дольками, смешала с маслом и приправами и поставила рядом с рыбой.

Рыба получилась мягкой и сочной. Корочка была золотистой, хрустящей, а внутри мясо слоилось белыми хлопьями. Картофель пропекся до румяной корочки, и по дому поплыл аппетитный запах.

Когда дверь открылась, я стояла у плиты. Реймонд вошёл первым. Он снял куртку и повесил её на гвоздь, и его рука застыла на полпути. Он смотрел на кухню. Я видела, как его взгляд скользит по чистым полам, по блестящей плите, по стулу, на котором стояла стопка выглаженных вещей. Он перевёл глаза на меня, потом снова на вещи.

Он подошёл к столу и взял свою рубашку. Он провёл паль-

цами по рукаву, и его лицо изменилось. Я не могла понять, что он чувствует. Он повернул рубашку и увидел заплату с вышивкой. Его палец коснулся листьев.

— Откуда это? — спросил он, и голос его звучал тихо.

— У меня были нитки, — сказала я. — Я зашила дыру. И украсила немного. Так она выглядит лучше.

Он положил рубашку обратно и взял штаны Саймона. Увидел воробья. Его лицо оставалось неподвижным, но я видела, как дрогнули его пальцы.

— Ты стирала целый день? — спросил он.

— Да, — сказала я. — Пока вас не было.

— Ты делала всё одна?

— Да.

Он посмотрел на верёвку во дворе, которую было видно через окно. На ней висели простыни, наволочки, несколько полотенец, вещи детей.

Рей повернулся и посмотрел на меня. В его глазах было что-то странное. Может быть, он хотел спросить, как я успела, как я справилась с такой работой, откуда у меня силы. Но он промолчал.

В этот момент в дверь ворвались дети. Саймон и Томас остановились на пороге и уставились на кухню с одинаковыми лицами. Томас открыл рот. Саймон нахмурился.

Я улыбнулась.

— Садитесь ужинать, — сказала я.

Они сели за стол, и я поставила перед ними тарелки. Сай-

мон взял вилку первым. Он отломил кусок рыбы, поднёс ко рту и жевал медленно, будто пробуя. Потом он взял ещё.

— Вкусно, — сказал он тихо, почти нехотя. Томас кивнул, уже набив рот картофелем.

Реймонд сел за стол и взял свою тарелку. Я смотрела, как он ест. Он не торопился, но я заметила, что его порция исчезает быстрее, чем обычно. Он не сказал ни слова, но когда доел, он положил вилку и посмотрел на меня.

— У тебя есть магия? — спросил он.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Что? — переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ты сделала больше за один день, чем я сделал бы за месяц, — сказал он. — Ты отмыла дом, постирала всё, погладила, зашила, вышила, приготовила ужин. И я не знаю, как объяснить это всё, кроме как магией.

Я сидела неподвижно. Я думала о том, что сказать. Правду? Ложь? Что-то среднее?

— У меня нет магических способностей, — сказала я.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде я увидела сомнение, но он не стал расспрашивать дальше.

Позже, когда дети уже ушли наверх, я сидела на кухне и пила чай с шоколадкой. Я смотрела на ровные ряды чистой посуды на полках, на блестящую плиту, на свежие занавески, и чувствовала приятную лёгкость.

Я доела шоколад и в очередной раз порадовалась, что в магазине на полках всегда появлялись новые упаковки, если я забирала старые. Если я не возвращала бутылку на полку, на её месте появлялась новая. Это было странно, но я перестала удивляться. Магазин работал по своим правилам, и я не собиралась их нарушать.

Глава 6. Подозрения

Глава 6. Подозрения

Четвертое утро в доме Блэквудов началось с того, что я проснулась раньше фабричного гудка. Свет за окном был еще серым, но в комнате уже можно было разглядеть очертания мебели.

Я села на кровати и прислушалась к себе. Голова не кружилась. Мышцы ныли после вчерашней уборки, но это была приятная, здоровая боль.

Я спустилась вниз и обнаружила, что Реймонд уже ушёл на работу.

Я огляделась. Блестящие полы, чистые окна, аккуратные ряды посуды на полках. Мне нравилось видеть результат своей работы.

Я открыла кладовую и оглядела запасы. Мешок овсянки, почти пустой. Несколько сухих кореньев, назначения которых я не знала. Пара засохших лепёшек. Жестяная банка с

солью. Всё это выглядело уныло, и я решила, что сегодня мне стоит пополнить запасы.

Закрыв глаза, я шагнула в магазин. Холодный воздух кондиционера ударил в лицо, и я почувствовала, как знакомое спокойствие окутывает меня. Я прошла между стеллажей, касаясь пальцами упаковок, банок, коробок. Отдел бакалеи, отдел с консервами, холодильник с мясом и молочными продуктами. Я взяла пару банок тушёнки, упаковку риса, несколько яиц, пачку масла, зелень в пластиковом контейнере и бутылку растительного масла.

Потом я остановилась у небольшого стеллажа с мылом. Обычное мыло, которое продавалось в моём магазине, лежало в аккуратных стопках, и я задумалась. За несколько дней в этом мире я успела заметить, что мыло здесь было либо грубым, серым, с едким запахом щёлочи, либо дорогим, магическим, с добавлением эфирных масел и лунной пыли. В моём магазине было обычное, хозяйственное и туалетное, и я подумала, что могла бы научиться делать мыло сама или попробовать продавать то, что у меня уже есть.

Это было не так сложно, как казалось. В моей прошлой жизни я видела несколько видеороликов на эту тему, и у меня даже была книга, подаренная подругой, которая увлекалась мыловарением. Она так и осталась лежать на полке магазина, которую я когда-то отвела под книги по рукоделию.

Я взяла одну книгу с полки и пролистала её. Щёлочь, масла, отдушки, формы. Всё это можно было достать, если по-

стараться. Я мысленно отметила, что займусь этим позже, когда у меня будет время и силы.

Из магазина я вышла с корзиной продуктов и книгой в руках. В доме было тихо. Я включила плиту и заварила себе чай с мятой, которую нашла в дальнем углу кладовой. Завтрак был простым: яйца, сваренные вкрутую, хлеб с маслом и крепкий чай. Я ела медленно, чувствуя, как силы возвращаются в моё тело.

После завтрака я вышла во двор. День был серым, но сухим. Ветра почти не было, и воздух стоял неподвижно. Я оглядела двор: старый сарай, куча угля, верёвка, на которой ещё вчера сушилось бельё. В углу двора росли какие-то сорняки, и я уже хотела вернуться в дом, когда заметила, как из-за калитки появились Саймон и Томас.

Саймон нёс в руках что-то зелёное, а Томас шёл следом, жуя. Когда они подошли ближе, я увидела, что старший мальчик сжимает в кулаке пучок щавеля.

— Что это у вас? — спросила я.

— Трава, — сказал Саймон. — Мы нашли её у реки. Я знаю, что она съедобная. Мама говорила, что её можно есть.

Томас протянул мне свой пучок, и я увидела, что он уже успел откусить несколько листьев.

— Принесите мне побольше, — сказала я. — Если сможете найти.

— Зачем? — спросил Саймон с подозрением.

— Я хочу приготовить суп.

Они переглянулись. Томас посмотрел на брата, и Саймон пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он. — Мы принесём.

Они ушли, и я вернулась в дом. Я открыла книгу по мыловарению, но мысли улетали куда-то в сторону. Я думала о том, как много изменилось за эти дни. Я, женщина почти сорока лет, которая привыкла к тихой размеренной жизни в маленьком городке, теперь жила в чужом мире, с чужими людьми, и чувствовала себя почти как дома.

Через час дети вернулись. Саймон нёс полную корзину щавеля, а Томас тащил за ним ещё один пучок, который он держал в руках.

Я перебрала щавель, промыла его. Листья были крупными и сочными. Я сложила их в дуршлаг и оставила стекать.

Потом я открыла кладовую и достала мешок с мукой, взяла пару яиц, банку тушёнки, пучок зелени и коробку с куриным бульоном.

Я поставила большой казанок на плиту. Разогрела масло и обжарила мелко нарезанный лук, который нашла в кладовой. Лук был старым, но ещё вполне годным. К нему я добавила кусочки тушёнки и обжарила всё вместе до румяной корочки. Потом я налила в казанок бульон, добавила лавровый лист, соль, перец и оставила кипеть.

Когда бульон закипел, я добавила нарезанный картофель, который принесла из магазина, и оставила вариться до полуготовности. Через десять минут я добавила щавель. Зелень

повалилась сразу, потемнела, и по кухне поплыл кисловатый запах, который я так любила с детства.

В самом конце я разбила в суп яйца, помешала и через пару минут убрала казанок с плиты.

— Готово, — сказала я, оглядываясь на детей, которые сидели за столом и смотрели на меня с непривычным вниманием.

Я разлила суп по глубоким тарелкам. Зелёный, наваристый, с кусочками мяса и яичными хлопьями. Саймон взял ложку первым и попробовал. Я видела, как его лицо изменилось, когда он проглотил первую ложку. Томас начал есть сразу, почти не жуя.

Они съели всё, что я налила. Даже Томас, который обычно ел медленно, расправился с тарелкой быстрее, чем я ожидала. Когда они доели, я налила им ещё по половнику.

Вечером, когда стемнело, я зажгла свечу. На кухне было тихо. Томас сидел на стуле, обхватив руками колени, а Саймон стоял у окна и смотрел на улицу.

— Хотите почитать? — спросила я, беря с полки книгу.

Он кивнул, и я открыла книгу на первой странице. Саймон сел напротив меня, Томас пододвинулся ближе.

Саймон начал читать по слогам, медленно, иногда запинаясь на сложных словах. Томас слушал, не перебивая, и я видела, как его глаза следят за пальцем Саймона, который водил по строчкам.

— Хорошо, — сказала я, когда Саймон закончил первую страницу. — Теперь ты, Томас. Попробуй.

Младший мальчик смотрел на книгу с таким же напряжением, с каким я когда-то смотрела на экзаменационный лист. Он начал читать, неуверенно, но я терпеливо ждала.

Мы читали ещё около часа. Потом я рассказала им, откуда берётся дождь. Я рассказала им о круговороте воды в природе, о том, что вода из рек и морей поднимается вверх, превращается в облака, а потом возвращается обратно на землю.

— А как она поднимается? — спросил Томас.

— Солнце греет воду, и она становится паром, — сказала я. — Так же, как пар поднимается из чайника, когда вода кипит.

Он задумался.

Потом я рассказывала им, как устроен мир. Я говорила о том, что некоторые люди рождаются с магией, но это не делает их лучше других. Что магия — это инструмент, как нож или молоток. Она может быть полезной, если правильно её использовать, но может быть и опасной, если обращаться с ней небрежно.

— А ты владеешь магией? — спросил вдруг Саймон.

Я замерла.

— Нет, — сказала я. — Не так, как маги из Академии.

— Но у тебя есть что-то другое, — сказал он, и его голос прозвучал уверенно.

Я молчала. Внутри меня всё сжалось. Я снова оказалась

перед выбором: сказать правду или продолжать лгать.

— У меня есть свой маленький секрет, — сказала я наконец. — Но я не могу о нём рассказать. По крайней мере, пока не могу.

— Почему? — спросил Томас.

— Потому что это опасно, — сказала я. — Если кто-то узнает, меня могут забрать. Или причинить мне вред.

Саймон нахмурился.

В этот момент дверь открылась, и вошёл Реймонд. Он остановился в дверях, когда увидел нас. Мужчина стоял неподвижно, и в его глазах было выражение, которое я не могла прочитать. Он смотрел на меня так, будто видел в первый раз.

— Вы занимаетесь? — спросил он, глядя на книгу.

— Да, — сказала я. — Учимся читать.

Он подошёл ближе и посмотрел на страницу, на которой мы остановились. Его лицо было спокойным.

Ночью я не могла уснуть. Я лежала на кровати и смотрела в потолок, чувствуя, как прохлада ночи просачивается сквозь стены. Мысли мои были далеко. Здесь магия была регламентирована, запрещена без лицензии, и любое проявление необычных способностей могло привести к беде.

Я слышала, как внизу возятся Саймон и Реймонд. Они говорили тихо, но я всё равно разбирала слова.

— ...а ты не думаешь, что она может быть не человеком? — спросил Саймон.

— Что? — переспросил Реймонд, и в его голосе послышалось удивление.

— Ну, смотри, — Саймон говорил быстро, почти шёпотом. — Она убирает так, что дом стал чище, чем был при маме. Она готовит из того, чего у нас нет. Она вышивает так, как будто училась этому. Ты сам видел её работу. И она знает, откуда берётся дождь. Она знает, как растёт щавель, та трава в супе. А ещё она сказала, что у неё есть секрет, но она не может его рассказать.

Я затаила дыхание.

— Думаешь, она подкидыш? — спросил Реймонд, и в его голосе послышалась лёгкая насмешка.

— А что? — спросил Саймон. — Они иногда попадают в наш мир. У них есть магия, но не такая, как у нас.

Реймонд замолчал на несколько секунд. Я слышала, как он дышит, как скрипит стул под его весом.

— Ты слишком много читаешь сказок, — сказал он наконец.

— Но ты сам думаешь об этом! — возразил Саймон. — Я видел, как ты смотрел на неё.

— Я смотрел на неё, потому что она странная, — сказал Реймонд. — Но это не значит, что она не человек. Это значит, что у неё есть свои секреты. И это нормально.

— Ты же охотник! — сказал Саймон. — Ты должен знать, что делать с подозрительными людьми!

— Я охотник на тварей, — сказал Реймонд, и в его голо-

се послышалась усталость. — А не на людей, которые убирают дом и варят суп. Саймон, если бы у нее была магия, ты думаешь, она стала бы жить здесь, в нашем доме, и стирать наши рубашки? Она бы ушла в Академию или нанялась к королевскому двору. Ей бы не нужен был я, и ты, и этот старый дом. Так что нет, у нее нет магии. Скорее всего, у нее есть небольшой запас продуктов, который она припрятала от тетушки Маргарет. И если у неё есть секреты, это её дело. Пока она не причиняет нам вреда, я не буду лезть в её дела.

— Но...

— Саймон, — голос Реймонда стал жёстче. — Хватит. Иди спать.

Дверь на первом этаже хлопнула, и я услышала шаги на лестнице. Я закрыла глаза и притворилась спящей, когда дверь моей комнаты приоткрылась. Саймон стоял на пороге, глядя на меня. Я не открывала глаз, но чувствовала его взгляд.

Потом он закрыл дверь, и я осталась одна.

Глава 7. Тишина и буря

Я проснулась от хлопка двери внизу. Я села на кровати и потянулась. Пальцы коснулись холодного деревянного изголовья. Тело слушалось лучше, чем раньше. Железо и вита-

мины делали своё дело. Я опустила ноги на пол, пошевелила пальцами, проверяя, не кружится ли голова.

Я надела платье, затянула шнуровку на спине. Ткань была грубой, но чистой, я постирала его вчера вместе с остальным бельём. Волосы я собрала в пучок, заколов деревянной шпилькой, которую нашла в комоде.

Я спустилась вниз. Саймон сидел за столом, обхватив кружку ладонями. Он не поднял головы, когда я вошла.

Я зажгла плиту, поставила казанок с водой. Овсянка, снова овсянка. Я насыпала крупу в молоко, которое вчера принес Рей, помешала деревянной ложкой. Запах разварившегося зерна заполнил кухню.

— Опять каша, — буркнул Саймон, не поднимая глаз. Голос его был глухим, с утренней хрипотцой.

Я не ответила. Я помешивала кашу, глядя, как крупинки набухают в молоке.

— Ты могла бы приготовить что-то другое, — продолжил он, и его голос стал громче.

Я повернулась к нему. В его лице читалось недовольство.

— В доме почти нет продуктов, — сказала я. — Я делаю то, что могу, из того, что есть.

Саймон поднял на меня колючие глаза.

— Ты сама говорила, что у тебя есть секрет, — сказал он. — Ты приносила яйца и масло, которых не было в кладовой.

Я промолчала.

— Рей думает, что ты припрятала еду от своей тётушки,

— сказал Саймон, и его голос стал быстрее. — Но я не верю в это. Ты не такая, как все. Ты слишком много знаешь, слишком много умеешь. Ты колдунья или ещё кто-то. Если ты не скажешь правду, я пойду на улицу и расскажу соседям. Тогда тебя арестуют и посадят в тюрьму.

Саймон сжал кулаки и посмотрел мне в глаза. В его взгляде были злость и страх. Он ждал, что я испугаюсь или разозлюсь.

Я смотрела на него несколько секунд. Потом отвернулась к плите и сняла казанок с огня. Я разлила кашу по тарелкам, поставила одну перед Саймоном. Он не притронулся к ней.

— Ты не скажешь, и мы оба это знаем. Ешь, пока горячая, — сказала я и села за стол напротив него.

Саймон встал из-за стола. Я услышала, как отодвинулся стул, как его ноги ступают по полу. Дверь на улицу хлопнула.

Я доела свою порцию, встала и начала мыть посуду. Вода была холодной, но руки привыкли к холоду за эти дни. Я тёрла тарелки жёсткой щёткой, смывая остатки каши.

Когда я закончила с посудой, я взяла тряпку и начала протирать полки. Пыль оседала на влажной ткани, оставляя серые разводы. Я двигалась методично, от полки к полке, от стола к подоконнику.

Потом я перешла в гостиную. Там стоял старый шкаф, тёмный, с потрескавшимся лаком. Я открыла дверцы. Внутри лежали вещи, сложенные стопками. Я начала разбирать их, аккуратно перекладывая на стул. Старые простыни, вы-

цветшие, с дырами на углах. Несколько наволочек, одна с кружевной каймой. Я провела пальцами по кружеву, оно было грубым, ручной работы.

На дне шкафа лежала большая коробка. Я нашла там несколько платьев старомодного вида и кружева. Кажется, это были вещи матери Рея, Саймона и Томаса.

Я стояла посреди гостиной, глядя на убранные полки. В голове крутились мысли. У меня есть магазин. В магазине есть мыло, свечи, ингредиенты. В этом мире это всё может стоить дорого. Если я налажу продажу, я смогу заработать. Но для этого нужно, чтобы никто не задавал вопросов, нужна поддержка семьи.

А пока я не чувствовала ни того, ни другого.

Дверь открылась, и вошёл Реймонд. Он снял куртку, повесил её на гвоздь, и я увидела, что его лицо усталое, а плечи опущены. Он прошёл на кухню, сел за стол, положил руки на столешницу. Его лицо было серым от усталости, глаза покраснели.

— Я сделала завтрак, — сказала я. — Каша. И есть еще мясо, которое ты приносил вчера.

Я поставила перед ним тарелку с кашей и куском жареного мяса. Он взял ложку и начал есть, не глядя на меня.

Я села напротив и молчала. Давала ему время. Он доел кашу, положил ложку и поднял на меня глаза.

— У меня есть идея, как заработать деньги, — сказала я. — Я умею делать хорошее мыло. В городе такого почти нет,

только грубое, хозяйственное, или дорогое, магическое. Моё будет дешевле, но качественнее обычного. Я могу продавать его на рынке или в лавках. Мне нужны деньги на щёлочь и масло. Я верну затраты с первой же продажи. И даже заработаю сверху.

— Откуда у тебя такие знания? — спросил Рей, и в его голосе появилась настороженность. — Я не видел у тебя книг по мыловарению. Откуда ты знаешь, что делать?

Я молчала.

— Кто ты на самом деле? — спросил он. — Зачем ты пришла в наш дом? Ты могла бы устроиться в городской лавке. Или даже в гильдии. У тебя есть навыки, ты умеешь считать, читать, писать. Ты могла бы жить отдельно, работать, зарабатывать. Но ты выбрала остаться с нами. Почему?

Я почувствовала, как внутри поднимается глухое раздражение. Несколько дней я вычищала этот дом от пола до потолка, стирала горы белья, зашивала и выглаживала вещи, кормила детей, учила их читать, рассказывала им про то, как устроен мир. И теперь меня подвергают глупому допросу.

— Я просто предлагаю способ заработать, — сказала я, и мой голос стал жёстче. — Я не прошу денег на себя. Я прошу разрешения работать. Если ты не хочешь, я не буду настаивать. Но тогда не жалуйся, что в доме нет денег и продуктов.

Я встала, повернулась к плите, взяла тряпку и начала вытирать столешницу. Я не смотрела на него, но чувствовала,

как он смотрит на меня.

Потом я услышала, как Рей встаёт из-за стола. Шаги направились к двери. Дверь открылась и закрылась.

Я осталась одна на кухне. Руки дрожали.

Вечером я приготовила на ужин суп с зеленью, мясом и картофелем. Томас сел первым, взял ложку и начал есть, не поднимая глаз. Саймон сел через минуту. Он посмотрел на суп, на меня, и скривился, но начал есть.

— Опять зелень, — буркнул он.

— Ешь, она полезная, — сказала я.

— Ты мне не указ, — сказал он, и его голос стал грубее. — Ты не моя мать. Ты вообще никто здесь.

Я сжала ложку и посчитала в уме до десяти. Пальцы начали дрожать.

Томас сидел напротив, ел медленно, но в какой-то момент он неловко повернулся, задел локтем миску с супом, и она опрокинулась ему на рубашку. Суп был горячим, но не обжигающим. Томас тихо, почти беззвучно заплакал, он пытался сдержать слёзы, но не мог. Его рубашка стала мокрой и грязной, на ткани расплылись тёмные пятна.

Саймон вскочил.

— Ты вечно всё портишь! — закричал он. — У нас и так нет еды, а ты разливаешь её!

Я встала, подошла к Томасу, взяла тряпку и начала вытирать ему лицо и руки. Он дрожал, прижимался ко мне, и я чувствовала, как его маленькие пальцы сжимают подол мо-

его платья.

— Всё хорошо, — сказала я Томасу. — Ничего страшного.

Саймон не успокаивался.

— Я не понимаю, зачем ты вообще здесь! — кричал он. — Мы жили и без тебя!

В этом крике была злость, отчаяние и страх. Я видела, как дрожат его плечи, как пальцы сжимаются в кулаки.

Я вытерла Томасу щёки и повернулась к Саймону. Он стоял передо мной, сжав кулаки, с красным лицом и блестящими глазами

— За эти дни, — сказала я, и мой голос был тихим, но твёрдым, — Я вычистила дом от пола до потолка. Я выстирала и зашила вашу одежду. Я кормила вас, я испекла хлеб, я учила вас читать и рассказывала вещи, которым учат в школе. Я не просила ничего взамен. Я не твоя мать, я не твоя служанка. И я не обязана терпеть, когда на меня кричат.

Саймон замолчал. Он смотрел в тарелку, не поднимая глаз. Его плечи опустились, и я увидела, как он сглотнул.

Томас всхлипывал, прижимаясь ко мне.

Я отстранилась, развернулась и пошла наверх.

Внизу я услышала голос Реймонда. Он говорил тихо, но отчётливо.

— Ты перегнул палку. Она не виновата в нашей бедности.

Саймон буркнул что-то в ответ, но его голос был уже не

таким громким.

В комнате я села на кровать и обхватила руками колени. За стеной я услышала, как плачет Томас. Тихо, с всхлипами, как будто он пытался не шуметь, но не мог остановиться.

Я сделала шаг к двери и остановилась. Я не его мать. Я не обязана успокаивать его. Я проделала слишком много работы, чтобы моей благодарностью было только то, что мне указывают, что делать.

Я села обратно на кровать и сжала пальцы на коленях.

Через несколько минут в дверь постучали. Я не ответила. Дверь открылась. Реймонд стоял на пороге. В руках у него была кружка с молоком. Он поставил её на комод, не глядя на меня.

— Ты права, — сказал он. — Я не дал тебе шанса. Я не поверил тебе. Я не знаю, кто ты и откуда, но я вижу, что ты делаешь больше, чем любой мужчина мог бы требовать от жены. Саймон просто боится, что ты заменишь нашу мать. Он не умеет говорить о своих страхах иначе. Я тоже не умею говорить о таких вещах. Я не знаю, что будет дальше. Но я хочу, чтобы ты знала: если захочешь уйти, я не буду держать тебя. И я поддержу тебя в том, что ты задумала.

Он повернулся и вышел, не дожидаясь моего ответа.

Я взяла кружку с молоком в руки, чувствуя, как тепло передаётся ладоням.

В окно было видно, как в соседнем доме зажигается свет. Я сделала глоток. Тепло разлилось по телу, но напряжение

внутри осталось.

Я допила молоко, поставила кружку рядом с кроватью и легла. Я смотрела в тёмный потолок и думала о Саймоне.

Я понимала его.

Он потерял мать, и его мир стал меньше, холоднее, страшнее. Он привык контролировать то, что осталось, потому что иначе всё могло рухнуть. Саймон взял на себя взрослую ответственность, когда это было слишком рано. Он не доверял мне, потому что не доверял никому. Он проверял меня, потому что боялся, что я окажусь пустой тратой времени или что я уйду, как ушла его мать. Он хотел быть нужным, но не знал, как попросить об этом. Он не умел говорить о страхе иначе, кроме как через злость.

Он рано взял на себя обязанности по дому. Помогал Реймонду, следил за Томасом, экономил, считал деньги. В его речи звучали не детские, а взрослые формулировки: налоги, лишний рот, затраты. Он привык контролировать ситуацию, потому что иначе всё разваливалось. Моё появление выбило его из этой роли. Он больше не был нужен как хозяин дома, и это пугало его до злости.

Саймон жил в мире, где каждый день был борьбой за выживание. Он видел, как люди уходят, как деньги тают, как отец возвращается уставшим. Он не привык к доброте без условий. Я заботилась, убирала, стирала, кормила, и он не понимал, чего я хочу взамен. Он искал подвох. Его опыт го-

ворил, что ничего не даётся просто так. Моё молчание и терпение казались ему подозрительными.

Я проводила время с Томасом. Учила его читать, успокаивала, когда он плакал. Саймон наблюдал за этим и чувствовал, как его значение в семье уменьшается. Он привык быть главным ребёнком, защитником брата, правой рукой отца. Теперь его место было занято, и он не знал, как вернуть его иначе, кроме как через конфликт.

Ему было десять лет. Это возраст, когда дети уже не маленькие, но ещё не взрослые. Они хотят казаться сильными, но внутри остаются уязвимыми. Он не мог сказать: «Я боюсь, что ты отнимешь у меня отца» или «Мне страшно, что ты уйдёшь, как мама». Он говорил языком грубости и агрессии, потому что это был единственный язык, который он освоил в мужском доме.

Саймон испытывал меня на прочность, это была попытка понять, кто я на самом деле. Если я сломаюсь, уйду или заплачу, значит, я слабая и не выдержу их жизни. Если я останусь и продолжу делать своё дело, значит, я достойна жить с ними.

Я лежала в темноте и смотрела в потолок. Мысли текли медленно, как вода в канаве. У меня есть магазин. Есть силы, знания. Я могла бы уйти прямо сейчас. Собрать вещи, спуститься вниз, открыть дверь и исчезнуть в ночи. Город большой. Я могла бы найти работу, снять комнату, жить одна. Я никому ничего не должна.

Я перекатилась на бок, подтянула колени к груди. Простыня была холодной и шершавой.

Я лежала и понимала, что не уйду. Это раздражало меня больше всего. Я не могла объяснить себе, почему остаюсь. Не из жалости, не из долга, не из любви — я не чувствовала ни того, ни другого к этим людям. Но я оставалась.

Я села на кровати, опершись спиной о стену. Ноги свисали с края. В комнате было тихо, только ветер гудел за окном.

— Если они переступят черту ещё раз, я уйду, — сказала я в пустоту. — Не оглядываясь.

Я легла обратно, укрылась одеялом и закрыла глаза.

Глава 8. Болезнь и разговор

Я проснулась от тихого, надрывного кашля.

Села на кровати, зажгла свечу, чиркнув спичкой о коробок. Пламя качнулось и выровнялось. Я вышла в коридор и прошла в комнату мальчиков.

Томас лежал на кровати, укрытый одеялом до подбородка. Его лицо было красным, глаза блестели, и каждый вдох давался ему с трудом. Он кашлял в кулак, звук был хриплым и глубоким. Саймон сидел на соседней кровати, с тревогой глядя на брата.

Реймонд стоял на коленях у кровати Томаса и держал его

за руку.

Я подошла к Томасу и положила руку ему на лоб. Кожа была горячей, сухой, и я чувствовала, как под пальцами бьётся пульс. Он открыл глаза, посмотрел на меня и попытался улыбнуться, но улыбка получилась слабой.

Реймонд повернул голову и посмотрел на меня. Его лицо было серым в свете свечи.

— У тебя есть что-нибудь от кашля? — спросил он.

— Я посмотрю в кладовой, — сказала я и вышла.

На кухне я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось. Я знала, что мне нужно сделать, но руки дрожали.

Закрыла глаза и шагнула в магазин, прошла к аптечному отделу, где стояли полки с лекарствами. Я взяла детский сироп от кашля, упаковку жаропонижающего в таблетках и коробку горчичников.

Я вернулась в кладовку, перелила сироп в пустую стеклянную банку из-под варенья, которую нашла на полке. Таблетки я растолкла, добавив немного воды, пока не получилась густая кашица. Горчичники я распечатала и завернула в чистые тряпки, которые намочила горячей водой.

Я взяла всё это и поднялась наверх.

Томас лежал на кровати, и его дыхание было тяжёлым. Я села рядом, приподняла его голову и поднесла к губам ложку с сиропом. Он поморщился, но проглотил.

Потом я развела таблетки в тёплой воде и дала ему выпить

эту смесь. Он снова поморщился, но выпил всё.

— Подними его рубашку, — сказала я.

Реймонд помог Томасу сесть, и я положила горчичник на его грудь, чуть ниже ключиц. Томас вздохнул глубже.

— Теперь второй, — сказала я. — На спину.

Я повторила то же самое. Положила второй горчичник между лопаток, прижала.

— Ему нужно много пить, — сказала я. — Вода, чай, всё, что есть. И он должен лежать в тепле.

Реймонд кивнул.

Через некоторое время я убрала горчичник. Кожа на груди стала розовой, тёплой. Я накрыла его одеялом и села на край кровати. Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то тёплое, доверчивое. Он взял мою руку и сжал её.

— Спасибо, — сказал он шёпотом.

Я сидела рядом, пока он не уснул. Его дыхание стало ровным, и кашель прекратился.

— Он спит, — шепнул Саймон.

Я кивнула.

— Я боялся, что он умрёт, — сказал Саймон.

— Он не умрёт, — сказала я. — Ему станет лучше. Лекарство подействует. Это всего лишь простуда.

— Я говорил тебе ужасные вещи, — выдавил из себя Саймон. — Я на самом деле так не думаю, правда… Я не хочу, чтобы ты уходила…

Его голос дрогнул.

— Я не собираюсь уходить, — сказала я. — Не сейчас.

Я вышла из комнаты и закрыла дверь.

Наутро я спустилась на кухню и услышала шаги на лестнице. Томас шёл сам, держась за перила. Его лицо было бледным, но глаза уже не слезились.

Я налила ему чаю с мёдом и тарелку с кашей. Он сел за стол и начал есть, медленно, но с аппетитом.

Через несколько минут на кухню спустился Реймонд. Он остановился в дверях, глядя на меня. В его руках была пустая банка с сиропом и смятая упаковка горчичников.

— Откуда у тебя лекарства? — спросил он.

— Я принесла их с собой, — сказала я. — У меня был небольшой запас.

— В твоём чемодане нет места для такого количества вещей, что ты из ниоткуда вытаскиваешь, — сказал он.

Я молчала. Я не могла сказать ему правду. Он стоял и смотрел на меня, и в его взгляде я видела смесь подозрения и любопытства. Он хотел знать, но не знал, как спросить.

— Просто оставь это, — сказала я. — Томас здоров. Это главное.

Я не оборачивалась, пока Реймонд сидел за столом. Спиной я чувствовала его взгляд.

— Ешь, — сказала я и поставила тарелку с кашей перед ним.

Он взял ложку, но не начал есть.

— Ты знаешь, что я охотник,— сказал Реймон тихо. — Я

видел много странных вещей. Я видел магию, я видел людей, которые умели делать то, чего не умеют другие. Я не боюсь странного. Но я хочу знать правду.

Я помешивала кашу в своей тарелке, не поднимая глаз.

— Если ты хочешь знать правду, — сказала я наконец, — Ты должен сначала довериться мне. Довериться, не задавая вопросов. Хотя бы на время.

Он помолчал.

— Хорошо, — сказал он. — В любом случае, спасибо за Томаса. Боюсь, мы бы не могли позволить себе лекаря.

Я кивнула.

Вечером в доме было тихо. Саймон сидел на кухне и читал книгу, Томас сидел рядом, положив голову на руки, и слушал. Он уже чувствовал себя лучше, но послушно пил все лекарства, что я ему давала. Они читали по очереди, и я слышала, как Саймон поправляет брата, когда тот ошибается.

Я сидела у камина в гостиной, перешивая для себя платье, найденное в сундуке. В комнату вошёл Реймонд. Он сел в кресло напротив меня, поставил локти на колени и сцепил пальцы. Реймонд молчал некоторое время, нервно постукивая ногой, и я поняла, что он хочет мне что-то сказать, поэтому вопросительно уставилась на него.

— Знаешь, налог в три гинеи не главная моя проблема, — сказал он наконец. — У нас есть долг за покупку этого дома. Он копился три года. Плюс обязательство перед гильдией за лицензию на починку артефактов. Если я не заплачу до кон-

ца года, меня лишат лицензии, и я не смогу работать в порту.

Он говорил ровно, без эмоций, но я видела, как его пальцы сжимаются на коленях.

— Я взял тебя в жёны не только из-за налога, — сказал он. — Налог был поводом. Но я надеялся, что ты сможешь помочь с домом, детьми, чтобы я мог брать больше работы. Я не знал, что ты больна, а когда мне рассказали, было уже слишком поздно. Но сейчас я вижу, что ты делаешь больше, чем я мог ожидать.

— Я хотела бы приносить деньги в семью, поэтому придумала идею с мылом. Я не знаю, получится ли у нас, — сказала я. — Но я попробую. Я не могу обещать, что это спасёт нас, но я могу обещать, что не буду сидеть сложа руки.

Он поднял глаза на меня. В его взгляде я увидела что-то, чего раньше не замечала, какой-то отблеск надежды

— Спасибо, — сказал он.

Глава 9. Холодный город и миссис Харрисон

Утром я вышла из дома. В кармане у меня лежали несколько медных монет, которые дал Реймонд. Воздух был холодным и влажным, с запахом угля и сырой земли. Я шла по улице, и заметила косые взгляды.

Женщина в тёмном платке стояла у калитки и смотрела мне вслед, пока я проходила мимо. Двое мужчин в рабочих

куртках остановились у лавки и повернули головы. Их взгляды были тяжёлыми, оценивающими. Я слышала, как они перешёптывались, но не разбирала слов.

Я дошла до нужной мне лавки. Реймонд объяснил дорогу, даже не став спрашивать, почему я не знаю город.

Лавочник был низким, плотным мужчиной с красным лицом и толстыми пальцами. Он стоял за прилавком и перебирал бумаги, когда я вошла.

— Мне нужна щёлочь и масло, — сказала я.

Он поднял глаза и оглядел меня. Его взгляд скользнул по моему платью, по рукам, по лицу, потом он усмехнулся.

— Ты та дура, что пошла за Блэквуда? — спросил он. — Неужели ты думаешь, что я буду продавать тебе товар в долг?

— У меня есть деньги, — сказала я и положила монеты на прилавок.

Он посмотрел на монеты, потом снова на меня.

— Даже если у тебя есть деньги, я не хочу иметь с тобой дела, — сказал лавочник. — Я не хочу, чтобы ко мне приходили соседи и спрашивали, почему я торгую с Блэквудами. У меня репутация.

Где-то сзади я услышала шёпот.

— Охотники прокляты, — сказала лавочница соседней палатки своей соседке. — Зачем она вообще пришла сюда?

За спиной лавочника на полках стояли бутылки с маслами, стопки бумажных пакетов, коробки с солью. Всё это было здесь, в нескольких шагах от меня. Я чувствовала, как

внутри поднимается злость, но я не дала ей выйти наружу. Я забрала монеты, развернулась и вышла из лавки.

На улице я остановилась, переводя дыхание. Я смотрела на серое небо и думала о том, что делать дальше. В этот момент я услышала шаги за спиной.

— Деточка, — сказал мягкий голос. — Ты не переживай из-за на них. Они все трусы. Я давно живу в этом городе и знаю их.

Я обернулась. Передо мной стояла пожилая женщина. Она была невысокой, в тёмном платье, с седыми волосами, собранными в пучок. Её лицо было покрыто мелкими морщинами, но глаза смотрели ясно и доброжелательно.

— Можешь звать меня миссис Харрисон, — сказала она. — Я живу через два дома от вас. Я видела, как ты выходила утром. Давай я покажу тебе, где можно купить то, что тебе нужно.

Она взяла меня под руку и повела по улице. Её рука была сухой и тёплой, и я чувствовала её спокойствие.

— Я слышала, что ты из дома Греев, — сказала она, когда мы отошли на достаточное расстояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.